

ДВИНСКИЙ БЕРЕЖОК

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

№20 ДЕКАБРЬ 2018 ГОДА

• Памятники Тверской провинции

ОТКРЫТ БЮСТ

1 ноября в посёлке Сахарово состоялась торжественная церемония открытия бюста герою русско-турецкой войны 1877-1878 годов генерал-фельдмаршалу Иосифу Гурко.

Бронзовый бюст Гурко был отлит в Московской области скульптором Ириной Макаровой, уроженкой Твери на средства благотворителей. Он установлен на территории храма Иосифа Волоцкого, недалеко от усыпальницы супругов Гурко. Открытие бюста приурочено к двум знаковым датам 2018 года: 140-летию освобождения Болгарии от османского ига и 190-летию со дня рождения фельдмаршала Гурко.

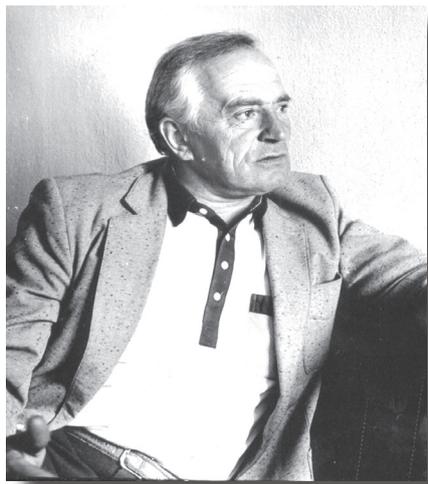
Судьба Иосифа Владимировича Гурко тесно связана с тверским краем. Под Тверью, в Сахарово, была расположена его усадьба, здесь он был похоронен. Сегодня на этом месте стоит храм, который одновременно является музеем и усыпальницей.

Следуя семейным традициям, Иосиф Гурко стал военным. Слава героя пришла к нему во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов. С его именем связаны переправа русских войск через Дунай у Систова, взятие древней столицы Велико-Тырново, оборона г. Стара-Загора, сложнейший переход через Балканы с 70-тысячным отрядом. Русские полки под командованием Иосифа Гурко вместе с болгарскими дружинами разбили турок под Казанлыком, взяли город Софию.

В послевоенные годы Иосиф Гурко занимал посты вице-губернатора г. Санкт-Петербурга, заместителя царя в Польше, генерал-губернатора г. Одессы, генерал-губернатора Привисленского края, являлся членом Государственного Совета. В 1894 году Иосиф Владимирович Гурко был удостоен высшего воинского звания генерал-фельдмаршала.

«СКАЖИ ЗАВЕТНОЕ, СКАЖИ...»

Александр СТАРОДУБЦЕВ п. Восход, Торжокский район

Александр Васильевич Стародубцев живет в поселке Восход Торжокского района. Долгие годы работал бригадиром в колхозе «Мир». Автор двух книг стихов и прозы, публикуется в тверских и общероссийских изданиях. Член Союза российских писателей.

РАЗГОВОР С ПОЛЕМ

Скажи заветные слова,
Мы столько лет о них молчали...
Уже тревоги и печали,
Достигли крайнего села.

И там, подпёртые клюкой,
Покрыты скорбными плащами,
Старухи молят о пощаде,
Или уходят на покой.

Уже, по весям, там и тут,
Качаясь на волнах «свободы»,
Повальный мор идёт в народе,
А процвитают тать и плут.

Давно не строятся дома,
С бедой сравнимы – урожаи;
Детишек бабы не рожают,
А избы – пилят на дрова.

В крутой излучине реки,
Гонимы манией наживы,
Уже не напрягают жилы,
Тягая сети – мужики;

Не славят утренние росы,
Звеня проворною косой,
Любуясь силой и красотой –
А хлещут брагу в сенокосы.

И вот, не к делу сеновалы.
Один с бедою на один,
Мужик запрет пустой овин
И в поле выедет едва ли?

Мужик, что бык – не повернуть.
Дедам – не всякое прощали,
Державной силой угощали
И отправляли в новый путь...

Скажи, куда упрятать душу,
Когда однажды, белым днём,
Мы на торги тебя сведём,
Земного стона – не дослушав?

Скажи заветное, скажи...
Мы так давно – не говорили...
Заветы прадедов забыли,
А нам бы ими – дорожить.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДОЛЯ

Николаю Попову

Свежий ветер шумит в поле,
Затихает в рядах сосен.
Нам судьбою дана доля –
На меже провожать осень,

На полях торопить вёсны,
В сенокосах сушить лето.
Привечать на меже росы,
В четырех сторонах света...

(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).

Нам хранить зелены травы,
Поклониться хлебам в пояс...
Вот такое у нас право,
На крестьянскую нашу гордость.

А случится встречать дату,
Отмечать юбилей друга –
Как и наши отцы когда-то,
Соберёмся большим кругом.

И куда бы ни дул ветер -
Как ни гнула бы нас доля.
Завещаем своим детям.
Уважать и беречь поле.

ГЕНКА

Генку обругали господином,
И велели поле допахать.
Генка чертыхался за овинном,
Где ложилось солнце отдыхать.

Но, рососо серебрилось поле
В ожидании посева ржи. –
Генка помянул лихую долю,
И повёл машину вдоль межи.

За межою – музыка играла,
Пары разбрехали по селу.
Опускалось ночи покрывало,
Заслоняя неба синеву.

Где - то, за приветливой ветлою,
Замирали робкие шаги...
А за Генкой – закипало поле,
За отвалом тракторной сохи.

Закипал в машине радиатор –
Генка управлялся впопыхах.
И опять урчал сердито трактор,
И вздувалась кожа на руках.

Розовела синь над облаками.
Розовели ивы вдоль реки.
Генка, обожжёнными руками,
Выжимал стальные рычаги.

Как же озаглавить эту долю,
Где один с сохою-на-один,
До утра допахивает поле,
Обожжённый Генка-господин?

ПОКЛОН ПОЭТУ

От Твери до Торжка и до Волока –
Высоки и тесны берега.
Но навстречу упрямо и молодо
Катит вольные воды река.

Плещет волны река. А над кручею
Птица - тройка. Поют бубенцы.
Да напевом волшебном -
раздумчивым
Растревожено лоно Тверцы.

Растревожена даль за опушками,
Где в заутренней неге лужок.
Александра Сергеевича Пушкина –
Ожидает старинный Торжок.

Так встречайте же гостя
желанного!
Двести лет, а каков молодец!
Ты – поэзии буква заглавная
И поклонник её и творец.

Ты – учитель и друг и сомученник.
И соратник и Бог и судьба.
Ты ли долей России замученный,
Не твоя ли России судьба?

Сколько раз её гнали над
пропастью,
Заслоняя в заветное дверь?
Но твоё вековое пророчество
Призывало: «Надейся и Верь!»

Этим Словом и Верой великою,
Мать-Россия и ныне жива.
Канет в прошлое время безликое,
Будут песни в Руси и дела!

А сегодня, за древней церквушкою,
Где стихами засеян лужок,
Александру Сергеевичу Пушкину –
Поклонись благодарный Торжок.

ЖЕНЩИНЕ

Нам счастье поровну завещано.
И нам судьбу свою хранить.
Перед твоим величием – женщина,
Позволь колени преклонить.

Позволь тебя увидеть строгою.
Позволь в тревоге утешать.
И перед дальнею дорогою
Твоим покоем подышать.

Позволь не струсить в миг
назначенный.

Позволь не прятаться в бою.
Позволь остаться нерастратченным
И сохранить любовь твою.

Нам счастье поровну завещано.
И нам судьбу свою хранить.
Перед твоим величием, женщина -
Позволь колени преклонить.

ОСЕНЬ БРОДИТ ЗА ОВИНАМИ

Осень бродит за овинами,
Дышит севером в леса.
Золотыми переливами
Смотрят осени глаза.

На опушке липы с кленами
Вспоминают о поре,
О поре, когда зелеными
Красовались на заре.

Зори тихие и ясные
И сиреневый рассвет.
В небе бережно и ласково
Вызревает алый цвет.

Рассевает лето звонкое
Колокольчики в луга.
Над родимую сторонкою
Снова радуга-дуга.

Опустеет поле хлебное
И редяющий лужок,
Скирды кошеного клевера
Улежались за межой.

А над сонными туманами
Потерялись облака.
Затаилась речка малая
В невысоких берегах.

Сядет солнце за овинами.
Разрумянится закат.
Скоро стаи журавлиные
Снова к югу полетят.

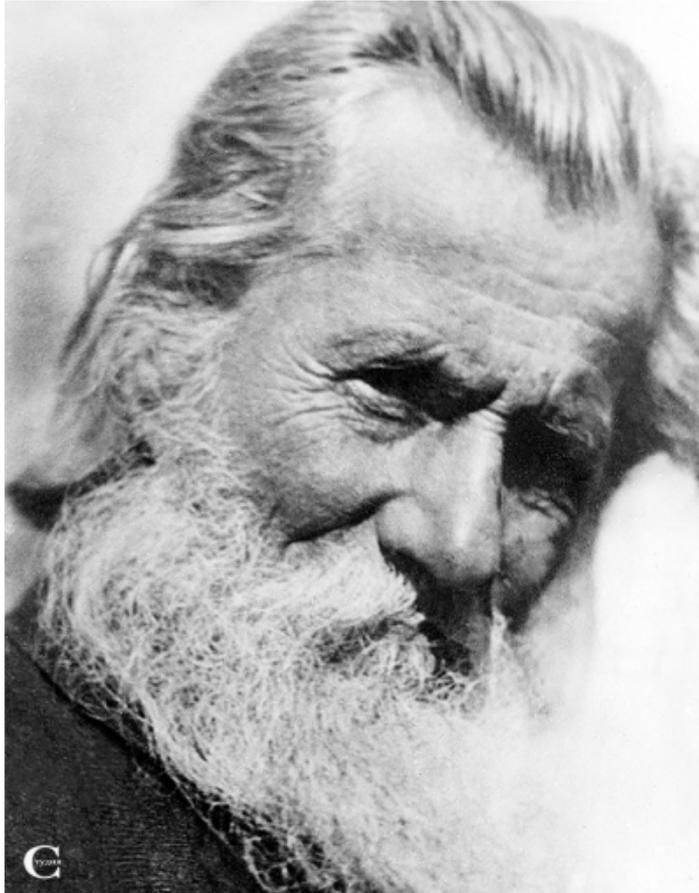
Посветлеют тихой ласкою
Голубые образа.
Неразгаданною сказкою
Смотрят осени глаза.

«И ЗЛО ЛЮБОВЬЮ ПОБЕДИМ...»

*К 170-летию со дня рождения
поэта-крестьянина и нашего
земляка Спиридона Дрожжина*

«Моя муза родилась в крестьянской избе, // Ни читать, ни писать не умела, // Только сердце простое имела // И, мой славный народ, о тебе // Много искренних песен пропела», – так 4 марта 1875 г. в далёком Ташкенте, куда его занесла нужда, сразу и навсегда манифестировал источник своего творческого дара Спиридон Дмитриевич Дрожжин (1848–1930). Замечательный русский поэт-крестьянин, он не был тогда известен ни читателям, ни литературной общественности. Лишь спустя годы имя С.Д. Дрожжина приобретёт в России широчайшую популярность, а его стихи войдут в школьные хрестоматии и в золотой фонд русской крестьянской лирики.

СПИРИДОН Дмитриевич появился на свет 18 декабря (по новому стилю) в семье крестьян деревни Низовка Городненской волости Тверского уезда Тверской губернии. Дрожжины жили очень бедно и гнетущая, доходящая до нищеты нужда с детства окружала будущего поэта. Одновременно на становление его личности, безусловно, повлияла патриархальная атмосфера крестьянского уклада, а также воспитание внука дедом, «страстным любителем книг Священного писания».

Жизненная и литературная судьба С.Д. Дрожжина поразительна и драматична. Он родился в царствование Николая I, до 1861 г. числился крепостным помещика М. Г. Безобразова, в детстве обучался чтению, письму и счёту «две неполные зимы», рано и надолго покинул отчий дом не по своей воле. А уникальность Дрожжина-поэта состоит в том, что его более чем 60-летний литературный путь совпал с мощнейшими соци-

ально-политическими событиями и преобразованиями. Он пережил отмену крепостного права, русско-турецкую, русско-японскую, Первую мировую и Гражданскую войны, три революции, военный коммунизм и НЭП, застал начало индустриализации и коллективизации. Многие из этих эпохальных сдвигов отражены в его стихах. Поэт был современником и Николая Некрасова, и Сергея Есенина. Живой свидетель таких диаметрально разных литературных эпох...

Тяжёлое материальное положение семьи заставило родителей в конце 1860 г. отправить 12-летнего сына на самостоятельные заработки в Петербург. Его первая профессия – мальчик-половой в трактире «Кавказ».

Пытаясь выбиться из нужды, Дрожжин сменил множество занятий: был приказчиком в табачной лавке и магазине газовых свечей, подручным буфетчика, чернорабочим, лакеем у помещика, доверенным по поставке дров Никола-

евской железной дороги, агентом Волжского пароходного общества «Самолёт», продавцом в книжных магазинах, учился в школе молочного хозяйства Н. В. Верещагина в селе Единоново Корчевского уезда Тверской губернии. В течение 35-летних скитаний поэт попеременно проживал в Санкт-Петербурге, Москве, Ташкенте, Харькове, Новгородской и Ярославской губерниях, лишь изредка навещая родную деревню. На долю Дрожжина выпадали месяцы полной нищеты, когда ему приходилось складывать предметы одежды и ночевать прямо под открытым небом.

Он мог попросту спиться (этой иллюзорной тропкой, увы, пошло немало народных талантов), зимой замёрзнуть на улице, погибнуть от руки лихих людей...

Однако и в самые мрачные периоды своего скитальчества Дрожжин много и увлечённо читал,
(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

собирает личную библиотеку, вёл дневник и активно сочинял стихи, неустанно занимался самообразованием. Стремление к знаниям, поэзия и вера в Бога спасли его, помогли выстоять и преодолеть тяжёлые жизненные рубежи.

Началом творческой деятельности Дрожжина принято считать публикацию стихотворения «Песня про горе добра-молодца» в конце 1873 г. в журнале «Грамотей». А в 1884 г. в русской литературе случилось событие невероятное: в трёх номерах авторитетного столичного журнала «Русская старина» публикуется автобиографическое повествование «Поэт-крестьянин С.Д. Дрожжин в его воспоминаниях. 1848–1884 гг.», написанное по заказу редактора-издателя М.И. Семевского. В 1889 г. в Санкт-Петербурге выходит первая книга поэта, и литературная критика начинает обращать на него серьёзное внимание.

* * *

В 1896 г. С. Д. Дрожжин, уже обременённый семьёй и детьми, окончательно возвращается в Низовку, получает земельный надел и сочетает крестьянский труд с литературным творчеством, слившись, наконец-то, с родной «почвой» и физически, и духовно.

*Я для песни задушевной
Взял лесов зелёных шёпот,
А у Волги в жар полдневный
Тёмных струй подслушал ропот;
Взял у осени ненастье,
У весны – благоуханье;
У народа взял я счастье
И безмерное страданье (1891).*

На рубеже XIX–XX вв. поэт достигает пика литературной деятельности и читательской известности: 32 из 35 его прижизненных книг были изданы в 1898–1929 гг. Постоянное пребывание в деревне не мешает ему участвовать в общероссийской литературной и культурной жизни. Спиридон Дмитри-

евич поддерживает отношения и завязывает новые знакомства с издателями, редакторами и литераторами А. А. Коринфским, И. А. Белоусовым, Ф. Ф. Фидлером, Н. Н. Златовратским, И. И. Горбуновым-Посадовым, М. Л. Леоновым (отцом писателя Леонида Леонова) и др. В 1903 г. Суриковский литературно-музыкальный кружок, куда вместе с Дрожжиным входили «писатели из народа» М.Л. Леонов, Е.Е. Нечаев (тоже уроженец тверской земли), Ф.С. Шкулёв и другие, организует в Москве его чествование в связи с 30-летием литературной деятельности. Музыкальность дрожжинских строк вдохновила более 30 композиторов, в том числе Ц.А. Кюи, В.С. Калинникова, В.И. Ребикова, Ф.О. Лашека, Р.М. Глиэра, А.Н. Чернявского. Две песни на его стихи исполнял Ф.И. Шаляпин.

Летом 1900 г. Дрожжина посетил влиятельный немецкий поэт Райнер Мария Рильке, который в восторге писал из Низовки своей знакомой Софье Николаевне Шиль: «Сейчас мы находимся в деревне Низовка у любезного Спиридона Дим[итриевича] и, наслаждаясь его щедрым гостеприимством, чувствуем себя превосходно...»

* * *

В русской поэзии конца XIX – первой трети XX в. С.Д. Дрожжин занимает совершенно особое место. От смерти Н. А. Некрасова (конец 1877 г.) до вступления в литературу новокрестьянских лириков – Сергея Есенина, Сергея Клычкова, Николая Клюева и других (начало 1910-х гг.) он был единственным крупным и очень популярным поэтом, который неустанно продолжал писать о русской деревне, точнее, – о русской крестьянской цивилизации. Сам того, может быть, не осознавая полностью, он поставил перед собой сверхзадачу – постичь и воплотить в слове глубинные мировоззренческие и нравственно-этические истоки русского национального

характера, пробуждать пассивную энергию народа, утверждать православные начала жизни: *Развеелись тучи, и жизнь новую
Всё веет вокруг.*

*В нас силы могучей и веры
Христовой*

*Огонь не потух.
Широк перед нами путь к свету
открытый,*

*Иди же вперёд,
Страдавший веками и славой
покрытый*

Великий народ!

Но большинство литературоведов и критиков, к сожалению, значительно суживали тематическое богатство и жанровое многообразие лирики Дрожжина, сводя его к горемыке-крестьянину, лошадке и пашенке. Они делали из поэта этакого сусального благообразного старца, который либо радуется весеннему солнышку, либо бесплодно сетует на тяжёлую крестьянскую долю. Основания для этого вроде бы и были. Вот Дрожжин незатейливо поэтизирует крестьянский труд на земле в «Песне пахаря» (1891):

*Распаху я рано
Полосу родную
Распаху, посею
И забороную!*

*Надо мною песней
Пташечка зальётся,
И никто как пахарь
Дню не улыбнётся.*

В стихотворении «В засуху» (1897), он, напротив, воплотил один из самых частотных мотивов своей поэзии – безысходное крестьянское горе:

*Сосед мой ходит озабочен:
Надежды нет на урожай,
Оброк за целый год не плочен,
Хоть в гроб ложись, да умирай!
Его хозяйка нездорова,
И просит хлеба детвора;
За долг последнюю корову
Кулак уводит со двора.*

В обоих случаях перед нами – типичный поэт-крестьянин Дрожжин, однако не только такими сценами исчерпывается содержательная и образная

(продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 3-4).

самобытность его лирики. Он слагал и прекрасные любовные стихотворения, особенно в пору своей юности. В ней, вопреки материальным лишениям и жестоким ударам судьбы, также случались сердечные и тайные встречи с женщинами, которые отвечали взаимностью на его пылкие чувства:

*Выжми гроздь винограда,
Чтоб из чаши благодарный
Я до дна с тобою вместе
Выпил сок его янтарный.
Косы чёрные отбросив
От лица своей рукою,
К моему лицу, голубка,
Ты прильни своей щекою.
Чтоб я в сладком опьянении
Долго пил твоё дыханье
И уста мои с твоими
Слил в горячее лобзанье.*

Вся дрожжинская лирика в сущности православна. Христианская аура пронизывает в ней деревенский пейзаж с его зримой материальной приметой – церковью, благоговейно именуемой «Божий храм», который не просто архитектурно-бытовая принадлежность сельского ландшафта, а символ православной России. Не зря он часто появляется в стихотворениях о Родине: «*Божий храм в сторонке, // У реки знакомой, // Старые избёнки, // Крытые соломой. // Здравствуй, край родимый, // Сторона родная, – // Уголок любимый, // Родина святая.*»

А весеннее пробуждение природы заключено для поэта в святом и великом чуде воскресения Христа:

*Христос воскрес, весна идёт,
Ручьи спадают с гор.
Я слышу ангелов полёт
И птиц воздушный хор.*

* * *

Февральскую, а затем и Октябрьскую революцию поэт вначале встретил восторженно, увидев в ней возможность осуществления соборных христианских идеалов:

*И по земле своей родной
За вольным, радостным трудом
Из мрака к свету мы пойдём,*

*Друг другу руки подадим
И зло любовью победим.*

А потом пришло горькое прозрение, которое заставило его жить по толстовскому принципу «Не могу молчать!» Но писать в основном приходилось «в стол». Вот неопубликованный крик души поэта – стихотворение «Признание революционера» (предположительно 1919):

*Ждал я долго воли
Наконец дождался.
Но в счастливой доле
Ум мой помешался.
Для святого дела
Сердце очерствело
Стал я хуже зверя,
Хуже супостата:
Ничему не верю
На родного брата
Сам за что не знаю
Руки подымаю.*

Острые противоречия между послеоктябрьской действительностью и исповедуемыми Дрожжиным христианскими идеалами, желанием крестьянского счастья и свободы вызвали у него глубокий духовный кризис. И всё же Дрожжина нельзя считать ни революционером, ни контрреволюционером. Он был истинно русским поэтом и христианином, который измерял глубину человеческого горя не текущей политической меркой, а идеалами вечного добра и всеобщего братства:

*Победы белых, победы красных
И это вздор,
Когда голодных и несчастных
Встречаешь взор...*

* * *

После 1917 г. во вновь издаваемые книги Дрожжина категорически не допускались не только все его произведения православной тематики, в том числе стихотворения-молитвы, но и образцы крестьянской, пейзажной и психологической лирики, содержащие лишь упоминания о вере и Боге. Любовную лирику тоже не жаловали. Из разрешённых к печати стихотворе-

ний на редкость бесцеремонно изымались строки или даже строфы. В результате нарушалась авторская воля и в корне менялась мировоззренческая направленность купированного произведения. Эта форма цензурного вмешательства, по нашим наблюдениям, также носила яркий антиправославный характер. «Божий храм» практически повсеместно заменялся на «сельский храм», «крестится пахарь» на «думает пахарь» и т.п. А строки «В нас силы могучей и веры Христовой // Огонь не потух», «Только пошли мне, Господь, урожай» и «Слова святого вдохновенья» в послереволюционных книгах Дрожжина приобрели следующий вид: «В нас силы могучей от доли суровой // Огонь не потух», «Только дожждаться бы мне урожая» и «Слова в минуты вдохновенья». Сколько прекрасных и оригинальных стихотворений С.Д. Дрожжина по этой причине до сих пор отрезано от читателей! Да и в трёхтомное собрание его сочинений, изданное в 2016 г., вошло далеко не всё.

С 1923 г. неблагоприятная ситуация вокруг поэта начала изменяться к лучшему. Повторно возрастает его читательская известность. По ходатайству «Общества по изучению Тверского края» Центральная Комиссия по улучшению быта учёных 20 февраля 1923 г. назначила С. Д. Дрожжину повышенную пенсию и академический паёк. Правда, ездить за ним приходилось в Москву, а физические силы таяли... В самой Низовке поэта посещают делегации школьников и друзья-писатели; он также получает немало писем от читателей своего дарования. В 1923 г. члены Тверского литературно-художественного общества имени И. С. Никитина, подготовили и провели чествование поэта в связи с его 75-летием. В том же году в Москве и Твери вышло сразу пять книг С. Д. Дрожжина, а его самого избрали (окончание на стр. 6).

(начало на стр. 3-5).

почётным членом Всероссийского Союза поэтов. Имя Дрожжина присваивается нескольким школам, одной из улиц Твери, пароходу.

Несмотря на популяризацию своей поэзии и благосклонность высоких должностных лиц советского государства, С.Д. Дрожжин в глубине сознания оставался «внутренним эмигрантом», подчас открыто демонстрируя оппозиционность новой власти. Летом 1929 г. он принимает в Низовке своего близкого друга (40 лет дружили!), поэта Аполлона Аполлоновича Коринфского (1867–1937), который 14 ноября 1928 г. был арестован в Ленинграде по делу «об участии в контрреволюционной работе группы монархистов», решением Коллегии ОГПУ от 13 мая 1929 г. осуждён по статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР (контрреволюционная агитация) и выслан в Тверь. Больше того: Дрожжин собирался хлопотать за своего задушевного друга перед Максимом Горьким, но нездоровье помешало его поездке в столицу...

* * *

С.Д. Дрожжин скончался в Низовке 24 декабря 1930 г. В 1937 г. при сооружении Иваньковского водохранилища, когда были затоплены старинный город Корчева и более 100 деревень Шошинской низины, прах поэта и его дом были

перенесены из зоны затопления в село Завидово, где 1 мая 1938 г. открылся Дом-Музей С. Д. Дрожжина. Он страшно пострадал во время Великой Отечественной войны (погибли вся библиотека поэта и 21 тысяча листов рукописей), но затем был восстановлен.

Контраст чувств и содержания стихотворений поэта-крестьянина правдиво отразил все драматические и трагические зигзаги судьбы России на сломе двух веков, бросающейся от войны к миру, от старого к новому и назад. Но духовными первоосновами его творчества всегда оставались реальный гуманизм, поиск пути к Богу, личное нравственно-этическое совершенствование и искреннее служение простым людям. Истинно народный поэт становится праведником-просветителем, борцом с антихристианскими силами:

*Поэт, в минуты вдохновенья,
Когда мир полон запустенья
И всякой мерзости и лжи,
Иди с своею музой чистой
В народ дорогою тернистой
Ему с любовью послужи!*

Наследие нашего земляка С.Д. Дрожжина – не потускневший экспонат из музейных запасников, а живая, плодоносящая ветвь на могучем древе русской литературы. Его художественные традиции достойны продолжения.

Александр БОЙНИКОВ

Выставка картин нашего автора

В Тверской городской библиотеке имени А.И. Герцена прошла выставка живописных работ нашего автора, капитана 2-го ранга в отставке, общественного деятеля, краеведа, поэта, публициста, художника Геннадия Петровича Асинкритова.

• Новые книги

Дневниковая проза Валерия Кириллова

В тверском издательстве «СФК-офис» вышла новая книга Валерия Кириллова «Почвенники и отчужденцы». В ней представлены отрывки из дневниковой прозы автора, охватывающие почти тридцатилетний период. Книга насыщена не только интересными историческими фактами, личными впечатлениями автора о происходящем, но и официальными документами, письмами, полученными Валерием Кирилловым от известных деятелей русской культуры.

К 100-летию ВЛКСМ

В Твери вышла книга «Это наша с тобой биография», рассказывающая о деятельности Калининской областной комсомольской организации в 20 – 80-е годы. Сборник включает воспоминания комсомольских работников и вожаков молодежи разного уровня: от первичных комсомольских организаций до обкома ВЛКСМ.

Андреапольцы найдут здесь материалы пятерых своих земляков. Книга имеется в районной библиотеке.

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Владимир КРУСС

Родился в 1957 году в городе Калининне (Твери). «Жизнь и судьба» связаны исключительно с этим городом. После службы в Советской Армии окончил юридический факультет Тверского госуниверситета, где и остался работать. Заведующий кафедрой, доктор юридических наук, профессор. Автор изрядного числа научных публикаций и нескольких монографий. Отец трех дочерей.

В 1998 году выходит сборник «Белые берега (сорок стихотворений)», отмеченный дипломом Тверской областной библиотеки им. А.М. Горького в номинации «Открытие года». В 1999 году, – книга стихов «Золото». В 2000 году принят Союз писателей РФ. Книга стихов «Мир несотворенный» (2004 г.) приносит звание лауреата Литературной премии им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

* * *

У меня корабль добротный на песке;
И четыре королевы на доске;
И на кладбище прозрачная плита;
И под ложечкой – изжогой – суета.

У меня гостей пугает белый кот;
На окошке пыльный кактус не
цветёт;

И – невидимы по правилам игры –
Поселились домовые гусяры.

Они струнами нечаянно звенят,
Мою душу мимоходом теребят,
И сплетает окончательный ответ
Зазеркальный полушёпот-полусвет.

* * *

Я – старый башмак.
Юфть моя некрасива.
Жизнь шла во мне, шла
и меня износила.
Скриплю, промокаю
в любое ненастье.
В заплатках бока,
а башмачное счастье –
крема и бархотка –
по праздникам разве.
Стоптался. Походка
хромает. Как айсберг,
подточенный морем,
кренюсь и качаюсь.
Коль днём не промок,
рассыхаюсь ночами.
Но всё же бреду:
запинаясь на кочках,
то трезв, то в бреду,
то – в строку, то – не в строчку.

По жизни ублюдошной,
грязной и тошной
скриплю и скриплю,
добывая подошвы,
сквозь выбоин боль
вдоль асфальтовой ленты,
сквозь лужи, сквозь соль

Что довольно мне – непрокому –
дано;
И лукошко винной ягоды полно;
И ещё в заначке звякают года...
И уже не будет сына никогда.

* * *

Подверженный внезапным
перелётам,
Промой дождём холодное стекло...
В медовый спас у церкви пахло
мёдом.
И было удивительно тепло.

И мы смогли тогда остановиться
И, оглянувшись на простор реки,
Увидеть все потерянные лица,
Соединить столетий позвонки.

И воплощеньем праздничной
молитвы
Нам показался этот новый свет,
В котором всё – не молкнущая
битва,
Но мёртвых нет; и позабытых нет.

Владимир ЮРИНОВ

Родился 1963 году, живет в городе Андреаполе. Поэт и автор-исполнитель, член Союза писателей России. Автор пяти поэтических сборников, двух книг прозы и CD-альбомов.

пополам с реагентом,
сквозь дней маяту...
Но одна мне отрада –
любимые туфельки
шаркают рядом.

* * *

Висят над пожнями дожди...
С осознанной осенней грустью
поймёшь, что неотожествим
их тихий стих с фанфарной Русью.
А вслед за шелестом листа –
Постылый постук голых прутьев,
и сквозь аорту пустота
прольётся в грудь продроглой
ругтью.
И холода...
До той поры,
когда, в полвздроса тронув сердце,
с горячим запахом коры
однажды вынырнут из детства,
разбередят, пройдут сквозь сны
и станут для тебя Россией
те две заветные сосны,
зеркально
взвешенные
синью.

«ЕЩЕ ГОРЯТ В ГОСТИНОЙ СВЕЧИ...»

Александр ХАРЧЕНКО

г. Тверь

Александр Антонович Харченко родился в 1948 году. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Живет в Твери. Много лет работал собственным корреспондентом ИТАР-ТАСС. За его плечами десятки командировок в «горячие точки». Полный кавалер медалей ордена «За заслуги перед Отечеством», удостоен медали «За трудовое отличие», знака «Участник боевых действий». Автор книги стихов и книги рассказов. Член Союза писателей РФ.

* * *

А стоит ли теперь стонать?
Расхристан мир.
На пепелище
со звоном лопнула струна.
Аккорд фальшив,
как пьяный нищий.
Беда.
А ведь была весна.
Гитара пела так чудесно...
Река. Сирень. Ты у окна –
Такой запомнил эту песню.
И вдруг разрушились слова...
Памир. Граница. Борода.
Стрельба.

РОМАНС

Нет, не закончен наш роман,
Еще горят в гостиной свечи
И вечер обнимает плечи.
Нет, не закончен наш роман.

Не верю, что смогла забыть
Ты наши встречи, песни, Волгу.
Как, сероглазая, назвал
Тебя своей Княгиней Ольгой.

Не верю, что меня убьют.
И что не встретимся с тобою.
Лечу в «вертушке» на Бамут
В Чечне, повенчанный с

войною.

Не верю, что не ждешь меня,
Еще горят в гостиной свечи
И вечер обнимает плечи...
Нет, не закончен наш роман.

* * *

Разорвали небо горы
Белым снегом,
Черным камнем.
Здесь обрывы – наше горе
Вновь идут за этим парнем.

Он в снегу следы оставил,
защитивших мою душу.
К одиночеству добавил
Мне усталость,
пропасть,
стужу.

Он – беглец,
Как все на свете,
Кто собою недоволен
Мы – как маленькие дети,
Смотрим грустно и
безмолвно...

В кружки спирт – не разбавляя:
«За друзей погибших где-то!...»

За ответы, что блуждая,
Кто-то ждет,
Как я жду лето.

Но туман подстерегает,
И лавины нас уносят.
И, конечно, не узнает
эту смерть,
Кто не захочет
посмотреть
Как плачут горы,
Облаками утираясь.
О! Какие были споры
У парней, что не прощались!

МОЯ МОЛИТВА

Июльский дождь,
А на душе – весна!
И хочется тихонько помолиться.
И прошептать заветные слова
Той женщине,
которая мне снится.

И розы приносить,
И бредить под окном.
Как в восемнадцать,
Ревновать и злиться.
Встречать у Волги
Синим вечерком
Ту женщину,
которая мне снится.

Возьми меня, Господь,
В обетованный край,
Где можно только песнями сра-
зиться.
Там ломится сирень,
там развеселый май.
Там женщина,
которая мне снится.
Там на холме – Васильевский
ручей.
Вновь поцелуем я хочу
напиться.

(окончание на стр. 9)

(продолжение, начало в N19 (ноябрь));

Письмо третье

Ты знаешь, дорогой друг, мне сегодня что-то и писать не очень хочется. Вот лежит передо мной на столе телеграмма соседу. Текст дословно: «Не приезжай, вещи пришлет Саша (я так понимаю, сын). Больше нас не беспокой». Без подписи...

Значит, получатель, отец, лежит в больнице, и давно. Он вообще, как говорят — «на ладан дышит». Давление двести пятьдесят — двести семьдесят, почти не сбивается, ноги не ходят, зрения почти нет, инвалидность. «Скорая» его забирает раз в два месяца. Но уже брать не хотят, ему не поможешь, а ехать надо 80 километров. Да и дороги в конце совсем нет: в объезд по полю. Вот финал! Один и никому не нужен... Врагу не пожелаешь.

Я не берусь никого судить, жизнь прожита, что там было, одному Господу ведомо. Но он же выкормил сына, и я знаю: у того и машина, и дача, и вообще жизнь налажена там, в Москве. Что же происходит? Впереди зима, старый дом и дров нет, так, обрезки досок, на три дня... он и кошка, которая кормится у соседней...

Ты знаешь, я думаю, так было всегда, во все времена. «Старик и море» помнишь? А тут «Старик и

Письма сельского почтальона

озеро». Надергает мелочи и продаст, с того и живет. И у него собака шуку утащила. Не акула, конечно, но результат тот же. И везде, всегда одно и то же. Я как-то случайно увидел одного известного певца. Перед ним прежде все кланялись, рыдали, когда он пел, возносили. Ни одного правительственного концерта без него, зал рушился от аплодисментов — народный артист СССР Анатолий Соловьяненко! Богом данный голос... старик, в потертом костюмчике, седенький, сгорбленный, молчаливый...

Все! Финал! И каждого это ждет — «никому неужность».

Почему старость никому не нужна? Она может быть обеспечена, может быть помещена в дом престарелых (но это все лишь внешняя форма). А может, она это заслужила? Старики вечно ворчат, требуют заботы, им «все не так», за ними нужен уход. Они «мешают жить», отнимая время у вечно спешащей молодости... но ведь не всегда же будет 15-20, будет, Бог даст, и 50-60... Один мудрец (да и не один) сказал, что если бы люди знали время своей смерти, они бы жили по-другому.

Есть такая притча: в одном племени старых людей увозили на маленьких тележках к обрыву и сбрасывали туда. И вот однажды отец и сын повезли деда в эту яму. И, когда сбросили его туда, мальчик бросился следом. Отец остановил его и спросил: зачем? А сын ответил: «Я за тележкой, а то на чем я тебя повезу, когда состаришься...». Отец полез в овраг, достал деда, и с этого времени стариков перестали выбрасывать. Сейчас, конечно, оврагов нет, но дикое европейское племя изобрело эвтаназию. «Овраг» теперь культурный... Смотреть правде в глаза трудно, очень жестокий взгляд. Вот мы и отворачиваемся. Единственное место, где можно обрести покой, церковь. Сколько ни ищи, сколько ни пытай, изучи

все книги — ответ один. Всегда, все, кто по-настоящему задумывается над жизнью, берут в руки Евангелие. Интересно, что почти все выдающиеся ученые мира — поголовно верующие. А сколько людей у меня на глазах побросало машины, особняки, огромные средства и ушло в монастыри.

Кто-то может одного назвать чудачком, может нескольких человек, но не такое же количество, значит, что-то не так в этом мире... Совсем не так. Пора задуматься, за нами следом идут наши дети. Но что нам неизвестно, то для них не существует. Эх! «Если бы молодость знала, если бы старость могла!»

Ладно, я эту телеграмму отдавать не буду соседу. Домой вернется, тогда и поговорим. Пойду разнесу почту.

Р. S. Почему прекратили подписку на «Русскую провинцию»?

Напиши подробно.

Твой Д.В.Л. ноябрь 2002

Письмо четвертое

Дорогой друг!

Вы не хотите создать у себя такую рубрику: «По диким углам Закочужья»? Я бы еще какому-нибудь коммерсанту посоветовал создать туристическое бюро «XVIII век — встреча с прошлым». Причем не надо ехать ни в Кордильеры, ни к эвенкам, а здесь, в центре Европы, на окраине Тверского княжества. У нас тут в каких-то 17 км от Ворошилова — света нет, дороги нет, связи нет, хлеба нет, медицинской помощи нет, керосина нет, свечей нет! А в Осично, если Гриша «помре», то его только летом найдут. У меня лично жалоб нет. Нет света по 157 дней в году (в основном зимой), и хрен те с ним. Я телевизор не смотрю, радио не слушаю. Меня

(окончание на стр. 11).

(начало на стр. 10).

прижмет, плону на все и в Москву уеду.

Людей жалко, больно смотреть. Нас ведь здесь, «отрезанных и брошенных», четыре деревни, 50 человек.

У старика приступ ночью, а я помочь ничем не могу. Медсестрички обложились, шприцы приготовил, на всякий случай. Знаю от медсестры, кому что нужно, если что...

Связь... врача не дозовешься, да еще могут и не поехать, дороги-то какие... Вам бы кому-нибудь однажды посидеть без света с приступом сердца длинную ночь на морозном крыльце. Без какой-либо надежды и без лекарства, в страхе ожидая долгого рассвета или смерти. Зная, что никто не придет и в доме никого (одинокое ведь все), так вот и умирают у нас. Тогда, наверное, и у тебя рука потянется. Да не к перу, а к гашетке... Зато чиновник (раковая опухоль) — жирует, местечковые князьки как прыщи выскочили и живут припеваючи, а в ушах у налоговых дамочек — «брильянтики искрятся»... Тут несколько лет назад был занос. Метель — ни зги не видно, а какого-то ржевского чиновника похоронить здесь надо было (в церковной ограде). И грейдеры, и экскаваторы, и автобусы, все было... Все есть, когда им надо...

Деревня наша заканчивает жить, всем за 70, кроме нас с женой. Я думал, что мне как-то удастся вокруг храма какую-то богадельню создать, а может, и мастерские, священика найти, монаха какого-нибудь. Но, видно, нет пока на то Божьей воли. Потихоньку чистим с женой кладбище, убираем мусор. Вот и все заботы, ну, естественно, читаю много, веду свой дневник.

Пиши, а будет возможность, приезжай. Всегда рады. Храни Вас Господь.

Твой Д.В.А.
(Пеновский район) Декабрь 2002

Письмо пятое

Здравствуй, дорогой друг!
Зашел утром к соседу, к Петровичу, ты его знаешь. Вижу, как угасает в нем жизнь. Тело еще здесь, а душа рвется вон. Он устал, хочет

умереть и все время говорит об этом.

Уже три года жизнь его висит на волоске — два инфаркта позади. А что было раньше? Раньше были молодость, война «от и до», женитьба, рождение троих детей, работа в райкоме, потом бухгалтерские труды в колхозе, рыбалки, охота, выпивки с друзьями и «нужными» людьми и т.д. Атеист. И вот всё прошло. Всё позади. Остались боль, страх, холод (он всё время мёрзнет — изношенное сердце с трудом гонит по его жилам кровь). И он зовёт нашего батюшку, а мне говорит: «Дим! Сходи к Саше Виноградову, пусть сделает гроб. Доски сухие — в сарае, рубанки — в мастерской». Потом сел на кровати и... упал. Пришёл его час.

Хороним. Несут ордена. Митинг. Всё как в лучшие советские времена. Оратор закончил, собирается вокруг гроба семья — дети, внуки, племянники... На гробу бывшему партийцу ставится иконка Спасителя, Петрович был крещён при рождении. Кладётся венчик. Верующий сосед читает молитву (батюшка не смог доехать, но в храме отпел), и вот на могиле водружают крест (крест на советской идеологии)!

Сколько русских людей упокоилось под такими крестами! За тысячу лет! С надеждой на спасение! Это — наша Вера. Главное, что нам осталось, чего не выгнали и не вытравили (хотя очень старались). Она живёт в душе народа, исковерканная, оболганная, но живёт. Наша Святая Русь.

Не раз Петрович вспоминал прошлое, хвалил советскую власть, которой долго служил, ругал «на чём свет стоит» современных воротил. Но при этом он постоянно пом-

нил свою кулацкую семью — было столько-то коров, лошадей, овец, всё было своё, всё было. Было.

На поминках встала соседка, городская женщина, и после массы дежурных слов, которыми отметились мелкие начальники, я услышал о самой сути, о том, что был Петрович настоящим русским крестьянином! Это так. Вернулся с войны, которую прошёл от Ржева до Праги, и, сколько я его помню, работал. (В последний год косили внуки. А он сидел на покосе на табуретке и покрикивал на них, учил.)

Второй день. Иду на поминки. Горько сознавать, что очень много народа пришло, как часто бывает, просто выпить за чужой счёт. Или по обязанности. Смотришь на всё это, и горько слышать: «...а теперь по русскому, христианскому обычаю выпьем за покойного до дна». Даже и не задумывается никто, что в русских христианских семьях на поминках не пили — грех. В те самые минуты, когда мы «гуляем» за счёт покойного, его душа проходит через страшные и мучительные воздушные мытарства. И нужны ему сейчас не пьяные застольные речи, а общая молитва родных и друзей, воспоминания о его добрых делах и словах, чтобы положить их на «чашу судных весов» в страшный момент.

Господи! Помилуй раба Божия...

Извини, выбит из колеи похоронами, и нет ни дороги, ни бензина. Отправляю письмо, пользуясь совершенно случайной оказией, ибо не знаю, когда выберусь на почту...

Твой Д.В.А.
(Пеновский район)
февраль 2003

Геннадий САЗОНОВ

БЕРЕСТИНКИ

лирические миниатюры

МЕЛЬНИЦА

Все речки в округе текут в море-озеро Ильмень, а вытекает только один Волхов. Вот и эта небольшая речушка Полисть несет воды в Словенское море, как в древности называли Ильмень. Течет, извивается вокруг холмов, теряется в лесах.

На огромном замшелом валуне, лежащем на берегу в изгибе реки, сидит старенькая седая женщина. Она смотрит на воду, на ближнюю деревню, а видит не воду, не деревню; видит совершенно другую картину, слышит неслышимые никем голоса и звуки.

-Танюшка! - зовет ее отец. - Пойдем-ка со мной на мельницу...

В широкой, грубой ладони отца-мельника ладонь пятилетней дочурки скрывается, как маленькая птичка. Мельница поражает ребенка. С запруды падает зелено-голубая вода, крутит большое колесо, лопасти-лопатки деревянные, а самые кончики у них железные.

Тягька сам всё своими руками делал.

Отец ведет девочку в отделение, где работают жернова. И снова все это, грохочущее и перетирающее, поражает Танюшку и запоминается на всю жизнь. Люди уважительно кланяются отцу в пояс, благодарят за то, как помолот зерно.

Господи! Да что же ме-

шало жить, сеять хлеб, молоть зерно в муку, печь вкусные пироги и делать хлебный квас? Что? Никто не отвечает!

Тишина!

И вдруг другие жернова работали в памяти старушки, присевшей на древнем валуне.

Мельницу у отца отобрали - раскулачили, значит. А отец упорный был: пониже от своей деревни, на речке Полисть, стал строить новую мельницу. Страсть у него такая была. Другой какой мужик водку любил, газетки читал, либо за политиков агитировал, а Танин отец больно мельницы любил.

Узнало начальство, что он ладит мельницу на берегу Полисти, пообещало выслать непокорного мельника, да не в Старую Руссу, а куда подальше - в Сибирь.

Эх, крутятся жернова, да не те, что надо.

Татьяна Николаевна провела ладонью по лбу: ни мельницы, ни отца, ни деревни нет...

А сама-то она как уцелела? Фашисты, взяв Старую Руссу, не церемонились. Сгоняли всех подряд, как скот, на работу. Её, девочку-подростка, тоже. Присвоили ей, как собаке, номер. Послали дорогу строить. По 14 часов ворочали камни, таскали на носилках песок. Фашисты под конвоем отводили ночевать в пустующую скотную ферму.

Господи! Да за какие же грехи эти муки, этот ад русским детям? Сговорилась Татьяна с под-

ружками, да темной ночью, в дождь, убежали из скотного двора.

Татьяна Николаевна плачет, сидя на камне. Не потому, что вспомнила рабство у фашистов, а по другой причине. Видела недавно по телевизору, как бывший эсэсовец хвалился тем, что он эсэсовец. До чего же мы дожили, думает она, если в своей стране показываем такие передачи?

Крутятся жернова, крутятся.

Сколько забыто горя! Сколько новых слез готовит воинствующее беспамятство?

Мельница времени все перемальвает в своих жерновах: судьбы, геройство и предательство, благородство и негодяйство, тиранов и праведников, память, славу, хулу, позор...

Только одно ей не под силу: не может перемолоть любовь к Родине!

ДОВЕРЧИВАЯ СИНИЧКА

Вчера, на автобусной остановке, синичка клевала у меня семечки прямо с ладони, во что даже трудно поверить.

Кругом зима, снежок идет, а она чувствовала себя на заснеженных ветках клена, как дома. Летела с ветки, садилась на металлическую ограду. Я протягивал ей открытую ладонь с семечками.

Птичка мгновенно порхала с ограды, двумя лапками

(окончание на стр. 13).

(начало на стр. 12).

цеплялась мне за палец, быстро забирала в клюв семечку, и так же быстро улетала - я едва успевал уследить за ней взглядом.

Потом она садилась на это самое дерево рядом с автобусной остановкой, разрывала клювом шелуху, проглатывала зерно подсолнуха и снова летела на ограду.

Я до этого рассыпал немного семечек воробьям. Они стаей слетались, тут же все склевывали. И с заснеженной земли, так заискивающе - снизу вверх - смотрели бисерами глазенок на меня, благодетеля: когда еще сыпану им?

Воробьи заметили, как я подкармливаю синичку. И, видимо, захотели последовать ее примеру. Они опять стаей уселись на ограду и, дружелюбно чирикавая, смотрели, как я поведу себя. Я повел так же, как с синичкой. Протянул им открытую ладонь с семечками. Вся стая испуганно взлетела вверх, воробьи, наверное, решили, что я хочу их поймать. Минут через пять эта сцена повторилась.

Я махнул на воробьев рукой, продолжал кормить синичку. Она мне доверяла, знала, что я не причиню ей какого-либо зла. А воробьи уже заранее посчитали меня «плохим человеком».

Вот так примерно происходит и в мире людей. Где доверие, открытость - там радость, любовь, счастливое наполнение жизни. Где подозрение, использование доверия в корыстных целях - там зло, уныние, мрачное томление духа и преступления.

Доверие живого к живому - один из законов природы. А законы либо исполняют, либо нарушают.

«Я САМА ИДУ...»

Жара невыносимая. Притормозил машину у придорожного кафе. Зашел выпить стакан-другой молока, в зной от жажды спасает только молоко, я давно проверил на себе.

Но, увы, молока нет, а за стойкой девчушка - зеленые-зеленые глаза, будто два свежих подорожника.

- Откуда такие глаза? - спросил в шутку. - В лесу где-нибудь, наверное, нашла?

-Как бы не так! - бойко тараторила она. - В лесу таких глаз нет. Мама с папой постарались!

Возразить нечего! На ее красивом славянском лице пригоршней рассыпаны веснушки - от микроскопических до крупных, желтые и коричневые.

-Веснушки тоже от папы с мамой? - продолжал я шутливо, - или кто-то нарисовал?

-Под дуршлаком вчера загорала, вот и появились, - ничуть не смущаясь, ответила красавица. - Я и теперь загорала бы где-нибудь, да вот работать надо, как будто мы не нормальные люди...

-Да в речку, - подхватил я, - от зноя только в речной воде и спастись...

-Обмочиться хорошо бы, - согласилась веснушчатая, и тут же, слегка покраснев, исправилась, - то есть искупаться...

О чем-то еще говорили в дорожном духе. Я заказал кофе и пирожок. Закончив трапезу, спросил:

-Как тебя зовут?

-Меня не зовут, а сама иду, - отрезала девчушка.

Я смеюсь - ну, и озорница!

От этого смеха моя усталость, когда позади триста с лишним километров за рулем под палящим солнцем, исчезла без следа. Удивительная целебная сила заключена в доброй шутке.

А имя у нее под стать зеленым глазам и веснушкам - Ирина...

НЕКОГДА!

В суетный полдень иду по центральной улице города.

Вереницы машин слева и справа, меня то и дело обгоняют торопливые горожане. Известное

дело, спешат. Наверное, уже во всем областном центре не найти хотя бы одного человека, который не торопился бы куда-нибудь...

С беспокойными лицами, отягченные тяжелыми думами, устремлены по делам стар и млад. И если попробовать нарисовать обобщенный образ жителя северного города, то это и будет как раз несущейся на всех парах вперед гражданин!

Пока я размышлял в таком духе, подходя к перекрестку, услышал чью-то одышку. Повернул голову - рядом женщина с авоськой в руке.

-Молодой человек, молодой человек! - призывала она.

Я не сразу понял, что обращение относилось ко мне.

-Да, к вам, к вам! - подтвердила она.

-Что вы хотели?

-Скажите побыстрее, сколько времени, который час?

-Зачем же побыстрее? - я остановился. - Я нормально скажу вам, без спешки: сейчас - без пяти минут час...

-Благодарю!

-Извините, а что, у вас нет часов? - любопытствовал я.

-Почему это у меня нет часов? - обиделась она. - Есть у меня часы, золотые часы...

-Зачем же вы спрашивали время?

-Часы у меня в сумочке лежат...

-Так достали бы и посмотрели время свое...

- Некогда мне доставать, - раздраженно бросила женщина. - Я спешу. Понимаете, спешу!

Да уж что тут непонятного!

Проходящая женщина - в какой-то мере и есть образ нашей торопливой современницы.

Часто она желает успеть сделать всё, но еще чаще не знает, зачем ей надо «это всё».

г. Вологда

• Память

О СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЕ СЕРАФИМЕ

Недавно я познакомился с книгой «За веру, царя и Отечество», в которой её автор рассказывает о подвигах солдат и офицеров российской армии в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Первое издание книги состоялось ещё в те далекие послевоенные годы. А вот последний выпуск вышел в 2006 году. Автором книги является священномученик Серафим (Чичагов). Это тот самый человек, в память о котором в селе Хотилицы Андреапольского района в 2011 году была открыта часовня.

Из вышеназванной книги стало известно о подвиге нашего земляка Сергея Кушелева (родного брата Андрея Кушелева, тоже участника русско-турецкой войны), которому в Болгарии установлен памятник.

Меня заинтересовала личность Чичагова. Познакомившись с материалами о жизни и деятельности этого человека, я решил рассказать о нём на страницах нашей газеты. По-моему, эта информация стоит того.

Прежде всего — о хотилицкой часовне. Началось с того, что

ровно 10 лет тому назад группа верующих решила построить в селе часовню. На месте будущего храма в нескольких метрах от центральной дороги был установлен и освящен крест. А далее началось строительство. Реализовать это богоугодное дело с участием большого количества людей удалось в течение трех лет. 27 сентября 2011 года состоялось открытие часовни.

В результате ходатайства настоятеля Иово-Тихонской церкви Андрея Феофановича Копача руководство Тверского епархиального управления благословило посвятить часовню в Хотилицах святому священномученику Серафиму, митрополиту Петроградскому (в миру — Леониду Михайловичу Чичагову).

Вот об этом человеке я и хочу поделиться информацией, которая оказалась у меня в руках. Назову источники. Это книги: «Два адмирала Чичагова» Н.В. Скрицкий. М. 2012; «Укажи мне путь». Т. Шипошина. М. 2018; «За веру, царя и Отечество» Митрополит Серафим (Чичагов) М. 2006 г.

Сейчас стали возвращаться из небытия имена людей, о которых в конце XX века мало кто знал. Зачастую это люди, которые своими делами, честным и достойным исполнением долга создавали и крепили наше государство, люди, для кого благо России, дело истины были выше собственного благополучия, были превыше всего.

К их числу относится ми-

трополит Серафим. Происходил этот человек из старинного дворянского рода, давшего России двух адмиралов: известного исследователя Ледовитого океана В.Я. Чичагова (1726-1809) и морского министра в 1802-1811 гг., участника Отечественной войны 1812 г. П.В. Чичагова (1767-1849).

Родился Леонид Михайлович (митрополит Петроградский Серафим) в 1856 году. После успешной учебы в гимназии окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус, куда принимали лишь сыновей и внуков военных и гражданских чиновников первых трех классов, согласно Табелю о рангах. В стенах этого училища Леонид провел четыре года.

В чине офицера он участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 года. Эта война и обществом, и офицерами, и солдатами воспринималась как война освободительная и справедливая. В результате ее победного шествия братья-славяне — народы Боснии, Герцоговины и Болгарии сбросили 500-летний гнёт османского ига.

Леонид Чичагов начал воевать подпоручиком в составе 5-й батареи Гвардейской конноартиллерийской бригады, входившей во 2-ю Гвардейскую дивизию, которой командовал генерал И.В. Гурко.

За проявленную самоотверженность в войне Леонид Чичагов был произведен в поручики, (окончание на стр. 15).

(начало на стр. 14).

награжден орденами, именным оружием, различного достоинства медалями.

В своей жизни Чичагов занимался многими делами. Его интересовала медицина. Он самостоятельно изучал её, практиковал и на войне, и во время службы в епархиях. В качестве лекарств он использовал растения, деревья, народную практику. Известно, что за 3-4 года в его приемной в Петербурге, а затем и в Москве перебивало до 20 тысяч больных.

Велика у Леонида была тяга к писательству. Сразу несколько книг вышло из-под пера Чичагова, в том числе двухтомник богословских трудов. Особое место в его писательской работе занимает книга «За веру, царя и Отечество», которая была им подготовлена к печати более ста лет назад. Своим медицинским опытом он делился в авторских «Медицинских беседах». Пробовал себя в поэзии. Важную роль отводил организации церковного пения.

В 1878 году, сразу после войны, Леонид Чичагов впервые встретился с батюшкой Иоанном Кронштадтским, который в то время пользовался непрекращаемым авторитетом среди верующих всей России. Чувствовал молодой офицер, что промысел Божий спас его от гибели на войне.

Какой смысл у жизни, а какой — у смерти? В беседах с отцом Иоанном ответы на эти и многие другие, волнующие душу молодого Леонида вопросы старался найти он в беседах с кронштадтским пастырем.

Батюшка Иоанн благословил Леонида Чичагова на путь священства. Но сначала состоялся брак с Натальей Николаевной Дохтуровой. У них родились четыре дочери — Вера, Надежда, Леонида и Екатерина.

Леонид Михайлович жил семейной жизнью, продолжал службу в армии. В 1891 году в звании полковника вышел в отставку.

26 февраля 1893 года в возрасте 37 лет он был рукоположен во дьякона, а через два дня — во священника.

Священническое служение отца Леонида началось с той же церкви, где его и рукополагали — в церкви 12-ти Апостолов в Кремле города Москва.

В 1896 году по распоря-

жению протопресвитера военного и морского духовенства отец Леонид начал служить для кормления военнослужащих Артиллерийского ведомства Московского военного округа.

После скорострительной смерти жены, оставшись вдовцом с тремя дочерьми, в августе 1898 года отец Леонид в Троице-Сергиевой лавре был пострижен в монахи с именем Серафим.

В дальнейшем архимандрит Серафим служил во многих местах — в Петербурге, в Суздале. В 1904 году был назначен настоятелем в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, в 1905 году — епископом Сухумским. В 1906 году возглавил Орловскую епархию, одновременно был избран присутствующим членом Святейшего Синода.

В 1908-1914 годах служил в должности архиерея в Кишиневской епархии. За труды здесь Николай II «признал справедли-

вым возвести владыку Серафима в сан епископа». С 1914 года владыку Серафима перевели в Тверскую епархию. Стал он архиепископом Тверским и Кашинским.

В начале 1928 года митрополит Серафим приступил к управлению Ленинградской епархией. Служение владыки Серафима на Ленинградской кафедре длилось более 5 лет. Ему шел 78-й год. Последнюю литургию в качестве митрополита Ленинградского и Гатчинского он отслужил в храме своей юности — Спасо-Преображенском соборе.

Таким образом, достигнув по иерархической лестнице Русской Православной Церкви чина митрополита, владыка Серафим нёс крест своей судьбы при власти большевиков. Полная отдача сил на службе, гласный и негласный надзор НКВД, утрата здоровья, в сентябре 1937 года арест, пытки, тюрьма, расстрел...

Его жизнь трагически оборвалась в застенках 11 декабря 1937 г. на полигоне Бутово. 10 ноября 1988 года митрополит Серафим был полностью реабилитирован. А 23 февраля 1997 года Архиерейским Собором Русской Православной Церкви он был причислен к лику святых.

А. РАЧЕЕВ,
краевед, г. Андреаполь.

На снимках: митрополит Серафим, 1920 г., поручик Леонид Чичагов, 1880 г.; Л.М. Чичагов с супругой, 1882 г.; открытие часовни в память о священномученике Серафиме Петербургском, 2011 г.

Золотой запас

Александр ПУШКИН

(1799-1837)

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!...» - «Нет

мочи:

Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вот - теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... - «Что там в поле?» -
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет,

Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне.

Николай ГУМИЛЕВ

(1886-1921)

ВЕЧЕР

Как этот ветер грузен, не крылат!
С надтреснутою дыней схож закат.

И хочется подталкивать слегка
Катящиеся вяло облака.

В такие медленные вечера
Коней карьером гонят кучера,

Сильней веслом рвут воду рыбаки,
Ожесточенней рубят лесники

Огромные, кудрявые дубы...
А те, кому доверены судьбы

Вселенского движения и в ком
Всех ритмов бывших и небывших
дом,

Слагают окрыленные стихи,
Расковывая косный сон стихий.

Сергей ЕСЕНИН

(1895-1925)

ВИЖУ СОН. ДОРОГА ЧЁРНАЯ

Вижу сон. Дорога чёрная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только нелюбимая.
Эх, берёза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для той, в кого влюблён,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.
Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для единственной –
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.
Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и все ж за эту прыть,
Чтобы сердцем не остыть,
За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь.